

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-6-12>

УДК 343.9



Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Игнатов А.Н.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация. В статье анализируются информационно-когнитивные, идеологические, технологические, организационные и пространственно-временные трансформации преступности в условиях цифровизации. Показано, что цифровая среда выступает фактором формирования личности преступника и его жертвы, формирует и тиражирует криминальные смыслы, снижает «порог входа» для осуществления преступной деятельности, качественно изменяет параметры виктимизации, структуру преступных связей, механизм и способы совершения преступлений, логику и механизмы слеодообразования. Обосновывается необходимость уточнения криминологического инструментария и превентивных стратегий с учетом алгоритмизации, платформизации и трансграничности современной преступности.

Ключевые слова: преступность, цифровизация, цифровая среда, искусственный интеллект, информационные технологии, киберпреступность, криминологическая трансформация, виктимизация.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

TRANSFORMATIONS OF CRIME IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Aleksandr N. Ignatov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article analyzes information-cognitive, ideological, technological, organizational, and spatio-temporal transformations of crime in the context of digitalization. It is shown that the digital environment acts as a factor in the formation of the criminal's personality and that of their victim, forms and replicates criminal meanings, reduces the "threshold of entry" for criminal activity, qualitatively changes the parameters of victimization, the structure of criminal connections, the mechanism and methods of committing crimes, and the logic and mechanisms of trace formation. The article substantiates the need to refine criminological tools and preventive strategies, taking into account the algorithmization, platformization, and cross-border nature of modern crime.

Keywords: crime, digitalization, digital environment, artificial intelligence, information technology, cyber-crime, criminological transformation, victimization.

Funding: Independent work.

Введение.

Преступность, имея биосоциальную природу, непосредственно связана с уровнем развития человека и общества, доступными технологиями и господствующими способами организации социальной среды.

Преступность никогда не существует вне конкретного социокультурного и технологического контекста.

Наступившая цифровая эпоха не могла не повлиять на характеристики сущности феномена преступности и его проявлений.

Цифровая эпоха ознаменовалась возникновением новых форм социальной реальности. Цифровое пространство сегодня перестало быть вспомогательной сферой коммуникации и стало полноценной средой жизнедеятельности. В ней осуществляется финансовый оборот, заключаются сделки, формируются профессиональные и личные связи, реализуются образовательные, медицинские и административные услуги, формируются и аккумулируются персональные данные и т.д. В то же время, цифровая среда превращается и в пространство криминогенных рисков, способствуя существенным трансформациям преступности.

Если индустриальная эпоха трансформировала преступность через урбанизацию, массовое производство, транспортную мобильность и денежно-товарные отношения, то цифровая эпоха трансформирует ее через данные, алгоритмы, платформы, автоматизацию, сетевую коммуникацию, искусственный интеллект и глобальную связанность.

Вместе с тем, преступность в условиях цифровизации не сводится к киберпреступности. Информационные, в частности, информационно-коммуникационные, технологии, трансформируя формы и способы социализации личности, структуру и способы межличностного общения и социального взаимодействия, формы экономического обмена, социальные практики, в т.ч. практики политической организации и управления, технические средства принуждения и насилия, трансформируют криминогенные условия социальной среды, механизмы криминогенной мотивации и преступного поведения, способы совершения преступлений и параметры виктимизации.

1. Информационно-когнитивные трансформации преступности.

В криминологическом понимании принципиально важно подчеркнуть, что развитие технологий не меняет глубинную биосоциальную природу преступности. Преступное поведение по-прежнему является продуктом взаимодействия индивидуальных свойств личности и социальной среды. Однако цифровая среда преобразует условия, в которых эти факторы формируются и реализуются. Она ускоряет принятие решений, снижает субъективное ощущение риска, ослабляет эмпатию к потерпевшему, создает иллюзию анонимности, нормализует девиантные практики, расширяет доступ к криминальным знаниям и способствует вовлечению в преступную деятельность все новых лиц, расширяя субъектный состав криминалитета.

Информационно-когнитивные трансформации преступности, прежде всего, связаны с тем, что цифровая среда становится самостоятельным фактором формирования личности преступника и потерпевшего. Речь идет не только о распространении противоправного деструктивного контента или о возможности обучения преступным навыкам.

Более фундаментальным является изменение когнитивных характеристик человека. Восприятие реальности фрагментируется, оценка последствий опосредуется экраном устройства, моральная реакция притупляется дистанцией, а нормативные суждения формируются под влиянием алгоритмически отобранной информации. Человек все чаще сталкивается не с целостной социальной действительностью, а с персонализированной информационной лентой, наполненной эмоционально заряженными сообщениями. В такой среде криминальная мотивация может формироваться не в традиционной асоциальной группе, а в распределенном цифровом окружении, где субъект постепенно усваивает язык, нормы, символику, поведенческие сценарии и рационализации девиантного сообщества.

Особую роль в механизме информационно-когнитивных трансформаций преступности приобретает феномен дезингибиции, то есть ослабления внутренних психологических запретов при сетевом взаимодействии.

Классическое описание «online disinhibition effect» связывает его с диссоциативной анонимностью, невидимостью, асинхронностью общения, солипсической интроекцией, диссоциативным воображением, субъективным ощущением отделенности виртуального действия от реальной личности и снижением воспринимаемого авторитета внешнего контроля [1]. В криминологическом плане это означает, что индивид может легче переходить к оскорблению, угрозам, травле, демонстрации асоциального, в т.ч. преступного поведения, вымогательству, мошенничеству, содействию преступникам или участию в преступных объединениях, поскольку вредоносность подобных действий воспринимается как менее реальная. Реальная жертва преступления трансформируется в субъективном восприятии преступника в никнейм, аватар, банковский счет, адрес электронной почты,

учетную запись или просто цель. Эмоциональная дистанция между преступным действием и страданием жертвы возрастает, а значит, снижается роль эмпатического торможения, которое в офлайн-среде часто препятствует совершению преступления. Эффект дезингибиции непосредственно влияет на осознание ответственности за противоправное поведение и неизбежности наказания. Также дезингибиция облегчает вовлечение в преступность лиц, которые в офлайн социальном пространстве не вступили бы в контакт с криминальной средой. Виртуальное вовлечение в преступную деятельность размывает границы между соучастием и бытовой услугой, между преступным умыслом и легкомысленным соглашательством, между сознательным участием и управляемой манипуляцией.

Указанное влияет на механизмы формирования личности преступника и криминальной мотивации. Особенно остро данная проблема стоит в контексте информационно-когнитивных технологий манипулирования индивидуальным и массовым сознанием.

Информационно-когнитивные трансформации связаны также с трансформацией механизма совершения преступления. Цифровизация изменяет когнитивную структуру данного механизма, в него вносятся такие элементы, как алгоритмические рекомендации, интерфейсная архитектура, социальная верификация через лайки и репосты, искусственно созданный авторитет, информационный шум, deepfake-доказательность, персонализированные манипуляции. Преступник уже не просто убеждает жертву, он конструирует для него цифровую реальность, в которой ложное событие выглядит подтвержденным множеством сигналов. В результате преступление все чаще совершается не путем прямого преодоления сопротивления жертвы, а путем управления ее восприятием.

Искусственный интеллект усиливает информационно-когнитивные трансформации, поскольку человек начинает делегировать цифровым системам не только поиск информации, но и оценку вероятности, выбор решения, формирование смыслов и подбор аргументов, интерпретацию событий и даже морально окрашенные выводы. Человек взаимодействует с цифровыми подсказками, рейтингами, интерфейсами доверия и сгенерированными текстами, которые могут снижать критичность восприятия.

В контексте формирования личности преступника и криминальной мотивации, использование искусственного интеллекта способствует возникновению нового типа конформности (ИИ-конформности) - субъекту психологически удобно принять решение, предложенное алгоритмом, поскольку оно воспринимается как рациональное, нейтральное и технически обоснованное, не тратит силы и время на критическую проверку предлагаемых информации и решений. В результате имеет место качественно новый с криминологической точки зрения субъективный криминальный фактор.

Также необходимо учитывать управляемость сценариев развития Интернета и то, кому он принадлежит. Существующее неприятие ключевыми («доступ-имеющими») акторами самой возможности «демократического» управления Интернетом и виртуальным пространством в целом свидетельствует о стремлении к монопольному управлению данной сферой нашей жизни [2].

Указанное выводит проблему когнитивных трансформаций преступности на уровень анализа цифровой власти, инфраструктурного контроля и рисков манипулятивного управления человечеством.

2. Идеологические трансформации преступности.

Сегодня цифровая среда становится пространством продуцирования и распространения криминальных смыслов. Так, например, субкультура «групп смерти» является наглядным проявлением механизма цифрового социального заражения, романтизации саморазрушения, управляемого риска и контроля над уязвимыми подростками.

Цифровая среда превращает девиантный аутоагрессивный сценарий в сюжет, челлендж, ритуал, знак принадлежности, подкрепляемый мифом о продолжении существования человека в сети после смерти.

Личность получает иллюзорное обещание бессмертия через цифровой след, посмертное внимание, закрепление в сообществе или превращение трагедии в символ. Это крайне опасно для несовершеннолетних, находящихся в состоянии одиночества, травли, депрессии, семейного конфликта или поиска признания. При этом модераторами таких групп нередко выступают лица, ранее вовлеченные в данную субкультуру.

Если традиционная криминальная субкультура передавалась через личное общение, места лишения свободы, неформальные группы и локальные сообщества, то современная криминальная субкультура может существовать в виде псевдофилософских нарративов и развлекательно-поучительного контента, она быстрее распространяется и легче адаптируется.

Трансформация криминальных субкультур в цифровой среде характеризуется тем, что подросток может быть одновременно зрителем, участником, распространителем, исполнителем и жертвой. Публичность противоправных действий становится частью мотивации. Насилие и унижение снимается на видео и транслируется, участие в рискованной или протестной акции подтверждается цифровым доказательством, демонстрируется как успех и авторитет.

Таким образом, цифровое признание становится криминогенным фактором преступного поведения. При этом идеологическое ядро современных молодежных криминальных субкультур определяется человеконенавистничеством и аутоагрессией, а реализуемые их носителями криминальные практики непосредственно сопряжены с экстремистской и террористической деятельностью [3; 4].

Идеологические трансформации наиболее отчетливо проявляются именно в экстремистской деятельности. Экстремизм в цифровой среде получил свое развитие в том числе форме противопоставления «свободы Интернета» государству, праву и институциональному порядку.

В радикальных цифровых сообществах Сеть изображается как пространство подлинной автономии и свободы, государство - как репрессивная система, а право - как инструмент подавления. Цифровая среда позволяет радикальным акторам создавать параллельную мораль, в которой противоправное действие интерпретируется как сопротивление, «очищение», героизм или восстановление справедливости. Опасность состоит в том, что экстремистская идеология может распространяться не только через прямые призывы, но и через иронию, мемы, исторические аллюзии, игровые образы, конспирологию, псевдонаучные объяснения и эмоциональные истории о «врагах».

3. Технологические трансформации преступности.

Технологические трансформации преступности проявляются в совершенствовании и появлении новых способов совершения преступлений и видов преступной деятельности.

Прежде всего, следует учитывать множество самых разнообразных «киберпреступлений» - от преступлений в сфере компьютерной информации, до выделяемых учеными принципиально новых видов преступного поведения [5; 6; 7]. Примером новой преступности цифровой эпохи является криминальный оборот персональных данных, в частности, дропперство [8].

Цифровые технологии становятся универсальным модулем самых разнообразных видов преступной деятельности, порождая гибридные виды преступной деятельности, сочетающие традиционные физические и цифровые способы совершения преступлений (финансирование террористической деятельности [9], незаконный сбыт наркотиков и пр.). Так, например, цифровые платформы позволяют соединять наркологистику, криптовалютные платежи, геолокационные сервисы, анонимные мессенджеры, дропперские счета в сочетании с физическим трудом закладчиков.

Террористические акты могут совершаться посредством цифрового воздействия на объекты критической инфраструктуры. Трансформируются и традиционные физические способы совершения, в частности, таких преступлений, против личности [10], как убийство и причинение вреда здоровью (дистанционное управление медицинским оборудованием, оборудованием и приборами, подключенными к интернету вещей, микро-дроны и т.п.).

Технологии 3D-печати и искусственного интеллекта расширяют возможности незаконного изготовления и модификации оружия, существенно расширяя его доступность и оборот, поскольку предметом криминального оборота становятся не только го-

товые образцы, но и цифровые модели, чертежи, файлы и программные инструменты его изготовления.

Наиболее значимым криминологическим последствием цифровизации выступает снижение барьеров для осуществления преступной деятельности. То, что ранее требовало специальных знаний, навыков, инфраструктуры, теперь может быть реализовано с помощью относительно дешевых коммерческих устройств, доступных инструкций и массовых комплектов. Как следствие, цифровизация порождает не только новых «профессиональных» преступников, но и способствует вовлечению в преступную деятельность самого широкого круга лиц.

Модель «преступление как услуга» (Crime-as-a-Service, CaaS) снижает потребность в специализированных компетенциях за счет аутсорсинга. В рамках данной модели, субъекты, не обладающие навыками программирования, получают доступ к аренде вредоносного программного обеспечения, а дефицит навыков социальной инженерии компенсируется приобретением готовых верифицированных сценариев коммуникации.

Отсутствие собственной инфраструктуры и информационных баз восполняется использованием арендованных серверов, бот-сетей, фишинговых панелей и приобретением персональных данных, в то время как задачи легализации преступных доходов делегируются институализированным сетям дропперов.

В результате, преступные компетенции превращаются не столько в индивидуальное качество, сколько в приобретаемую услугу. Это принципиально меняет общий криминологический портрет преступника - на преступный путь становятся лица с низкой профессиональной подготовкой, но с доступом к цифровому рынку криминальных инструментов. И это прежде всего молодежь, что определяет последующие кардинальные трансформации структуры преступности.

Платформизация преступности проявляется в том, что преступный рынок организуется по образцу легальных цифровых платформ - с каталогами услуг, рейтингами, отзывами, подписками, гарантиями, арбитражем споров, технической поддержкой и разделением доступа по уровням. Криминальная специализация расширяется за счет деятельности администраторов каналов, кодеров, дизайнеров фишинговых страниц, разработчиков и продавцов баз данных, поставщиков вредоносного программного обеспечения, операторов кол-центров, вербовщиков дропперов, специалистов по обналачиванию, координаторов логистики и прочих специалистов в сфере цифровых технологий.

Трансформации логики и механизмов следообразования в цифровой среде (нестабильность, сложность выявления и фиксации, распределенность по разным юрисдикциям и пр.), определяют трансформации латентности преступности, оперативно-розыскной и процессуальной деятельности право-

охранительных органов и международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

4. Организационные трансформации преступности.

Организационные трансформации преступности связаны с переходом от иерархических, территориально закрепленных и устойчивых преступных групп (организаций) к сетевым, платформенным и гибридным структурам. Сетевые структуры обладают повышенной устойчивостью. Устранение одного участника (группы), блокировка одного канала или ликвидация одной площадки не уничтожают всю сеть, поскольку функции распределены, роли заменяемы, а данные и инструкции быстро копируются и распространяются, а также нет необходимости в постоянном личном контакте между участниками. Более того, многие участники могут не знать всей схемы. Так, например, в мошеннических кол-центрах оператор может считать себя работником «финансового сервиса», дроппер - участником сомнительной, но не до конца понятной подработки, администратор канала - техническим посредником, кодер - поставщиком нейтрального инструмента.

Возникает криминологически значимый феномен, когда конечный преступный результат складывается из совокупности действий лиц, каждое из которых воспринимает свою роль как вспомогательную, опосредованную, техническую и т.п.

С учетом эффекта дезингибиции, осознание и оценка вредоносности и преступности совершаемых действий, в данном случае, нередко существенно затрудняется.

5. Пространственно-временные трансформации преступности.

Процессы цифровизации детерминировали пространственную дезинтеграцию преступности, выражающуюся в разобщенности места совершения преступления, места наступления последствий, места нахождения преступника и потерпевшего, места размещения инфраструктуры и юрисдикции расследования. Место совершения преступления утрачивает очевидность, возникает не столько «место», сколько распределенная цифровая траектория совершения преступления.

Пространственные трансформации преступности актуализируют необходимость выделения геополитического измерения преступности, поскольку криминальные сети (в том числе создаваемые, контролируемые и управляемые государствами) могут использовать различия в законодательстве, специфику правоприменения, конфликт юрисдикций, санкционные режимы, политические противоречия и ограниченность международного сотрудничества для достижения своих целей.

Рассматриваемые трансформации детерминируют проблемы статистического учета преступности. Латентность преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, для которых характерны сложность выявления, квалификации и доказывания, множественность эпизодов и жертв, существенно искажает ре-

альную картину состояния преступности. Киберпреступление может затронуть множество лиц, но подлечит статистическому учету как одно преступление. Серия же автоматизированных кибератак может быть отражена в статистике как множество преступлений без учета единого умысла и совершения их одним лицом.

За последние годы уголовное законодательство было дополнено рядом составов, связанных, в том числе с распространением ложной информации, дискредитацией, призывами к введению санкций, публичными призывами к осуществлению деятельности против безопасности государства и пр.

Существенный объем указанных преступлений, совершаемых, преимущественно негражданами РФ и не на территории РФ, искажает объективность данных показателей, что требует корректировки методологических подходов к статистическому учету и анализу показателей состояния преступности в стране.

Заключение.

Преступность в эпоху цифровизации проходит через информационно-когнитивные, идеологические, технологические, организационные и пространственно-временные трансформации.

В совокупности, указанные трансформации позволяют говорить о формировании новых качеств преступности.

Преступность становится когнитивно моделируемой и управляемой, изменяется когнитивная структура механизма совершения преступления, цифровая среда формирует криминальные смыслы и становится самостоятельным фактором формирования личности преступника и жертвы.

Виктимизация сегодня непосредственно связана с воздействием на восприятие, внимание, доверие, идентичность и эмоциональное состояние жертвы. Расширяются масштабы виктимизации, а география преступной деятельности конкурирует с ее трансграничностью.

Преступность становится технологически расширенной и распределенной.

Обусловленное цифровизацией снижение «порога входа» определяет наличие массового некавалифицированного кадрового ресурса при росте технологичности, эффективности и доступности орудий и средств совершения преступлений. Преступные функции распределяются между множеством участников, как в пространстве, так и во времени, а логика организации преступных объединений смещается в сторону сетевых, гибридных и платформенных криминальных экосистем.

Рассмотренные трансформации кардинально увеличивают объективное отставание антикриминальной практики от развития преступности. Данный факт не только актуализирует необходимость реализации футурологической функции криминологии [11] и воплощение криминологической политики в стратегическом планировании [12], но и определяет то, что превентивная деятельность должна иметь в т.ч. инфраструктурную направленность - ее объектом сегодня должны выступать не только личность потенциального или реального преступника и его жертвы, но и современная цифровая среда, в которой преступное поведение становится все более доступным, воспроизводимым и труднообнаруживаемым.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Suler J.R. *The online disinhibition effect. CyberPsychology and Behavior.* 2004. № 7, p. 321-326.
2. Игнатов А. Н. *Насилие как фундаментальный тренд эволюции человечества. Часть 3. Постиндустриальный период // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2021. № 4-2. С. 73-80. DOI: 10.23672/p8660-6919-5665-q EDN: FLIUF
3. Игнатов А. Н. *Виртуализация угрозы экстремизма и ее отражение в субкультуре несовершеннолетних // Судебная экспертиза и исследования.* 2025. № 3. С. 106-110. EDN: FDVENX
4. Бабанина Д. В. *Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних: автореф. дис... канд. юрид. наук. 5.1.4. Краснодар, 2023. 23 с. EDN: RXHCZO*
5. Сидоренко Э. Л. *Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica (Русский закон).* 2024. Т. 77, № 12(217). С. 68-83. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.068-083 EDN: CONHRL
6. Сидоренко Э. Л. *Эмодзи-преступления: типология и алгоритмы квалификации // Мировой судья.* 2024. № 4. С. 14-19. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-4-14-19 EDN: ARRNVI
7. Соловьев В. С. *Криминологические риски цифросексуализм // Вестник Российской правовой академии.* 2020. № 3. С. 47-56. DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-47-5 EDN: HQPHS
8. Игнатов А. Н. *Коммодификация персональных данных как криминологический феномен // Общество и право.* 2025. № 3(93). С. 25-30. EDN: SRIDJA
9. Факов А. М. *Финансирование террористической деятельности: криминологическая характеристика и меры противодействия: автореф. дис. . канд. юрид. наук. 5.1.4. Краснодар, 2025. 30 с. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-1-32 EDN: TIQVHI*

10. Каранова Д. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий: автореф. дис.... канд. юрид. наук. 5.1.4. Москва, 2025. 27 с.

11. Игнатов А. Н. Общесоциальный уровень противодействия преступности // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 3. С. 74-84. DOI: 10.31085/2310-8681-2025-3-288-74-84 EDN: DXEOKM

12. Игнатов А. Н. Футурологическая функция криминологии // Союз криминалистов и криминологов. 2026. № 1. С. 81-96. DOI: 10.31085/2310-8681-2026-1-228-81-96 EDN: FEZAZT

References:

1. Suler J.R. The online disinhibition effect. *CyberPsychology and Behavior*. 2004. No. 7, pp. 321-326.

2. Ignatov A. N. Violence as a fundamental trend in the evolution of mankind. Part 3. The post-industrial period // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021. No. 4-2. pp. 73-80. DOI: 10.23672/p8660-6919-5665- q EDN: FILIUF

3. Ignatov A. N. Virtualization of the threat of extremism and its reflection in the subculture of minors // *Forensic examination and research*. 2025. No. 3. pp. 106-110. EDN: FDVEHX

4. Babanina D. V. Countering the criminal subculture among minors: abstract of the dissertation of the candidate. *jurid. sciences*. 5.1.4. Krasnodar, 2023. 23 p. EDN: RXHCZO

5. Sidorenko E. L. Digital violence against children: the concept, types and features of qualifications // *Lex Russica (Russian law)*. 2024. Vol. 77, No. 12(217). pp. 68-83. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.217.12.068-083 EDN: CONHRL

6. Sidorenko E. L. Emoji crimes: typology and algorithms of qualification // *Justice of the Peace*. 2024. No. 4. PP. 14-19. DOI: 10.18572/2072-4152-2024-4-14-19 EDN: ARRNVI

7. Solovyov V. S. Criminological risks of digital sexuality // *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2020. No. 3. PP. 47-56. DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-47-5 EDN: HQPHS

8. Ignatov A. N. Commodification of personal data as a criminological phenomenon // *Society and law*. 2025. No. 3(93). pp. 25-30. EDN: SRIDJA

9. Fakov A.M. Financing of terrorist activities: criminological characteristics and counteraction measures: abstract of the dissertation. . kand. *jurid. sciences*. 5.1.4. Krasnodar, 2025. 30 p. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-1-32 EDN: TIQVHI

10. Karanova D. A. Criminological characteristics and prevention of crimes against the person committed by minors using information and communication technologies: abstract of the dissertation of the candidate. *jurid. sciences*. 5.1.4. Moscow, 2025. 27 p.

11. Ignatov A. N. The general social level of crime prevention // *Union of Criminologists and Criminologists*. 2025. No. 3. Pp. 74-84. DOI: 10.31085/2310-8681-2025-3-288-74-84 EDN: DXEOKM

12. Ignatov A. N. Futurological function of criminology // *Union of Criminologists and Criminologists*. 2026. No. 1. pp. 81-96. DOI: 10.31085/2310-8681-2026-1-228-81-96 EDN: FEZAZT

Информация об авторе:

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, e-mail: aleksandrignatov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0976-167X>.

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.05.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.06.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.